Наша презентация

К юбилею Николая Александровича Бердяева: 140 лет со дня рождения

Валерия Мухина

МИРОПОНИМАНИЕ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА БЕРДЯЕВА: ПРИМАТ ЛИЧНОСТИ, ЕЁ СВОБОДЫ НАД БЫТИЕМ И ФИЛОСОФИЯ САМОПОЗНАНИЯ

Весь мир ничто по сравнению
с человеческой личностью.

Н. Бердяев

В сознании современников и поколения XXI века Николай Александрович Бердяев – центральная фигура русской философии. Его как значительного философа открыла и признала Европа. И лишь много десятилетий спустя в России стали писать о философе как о наиболее авторитетном мыслителе, мысль которого, согласно его собственному мнению, была слишком антиномична, парадоксальна и противоречива.

Аристократ по происхождению, он был отчужден от своего класса и многих других сфер, объединяющих людей. Он писал, что был постоянно в оппозиции и конфликте против дворянского общества, против революционной интеллигенции, против литературного мира, против православ-

ной среды, против коммунизма, против эмиграции, против французского общества.

Ярчайший представитель русского Серебряного века, философ, признанный Европой и гонимый на родине, он всю свою сознательную жизнь бился над вечными проблемами: Что есть личность? В чем смысл человеческого бытия? В чем смысл жизни и смерти? В чем суть свободы, духовности и творчества? Он поднимал и много других проблем, связанных с познанием условий бытия человека и его духовной сущности. Он размышлял над феноменом личности, в том числе долгие годы работал над своей философской автобиографией.

Н.А. Бердяев – философ сложного мировоззрения, который сам себя характеризовал как религиозный экзистенциалист и персоналист. Стилистика изложения его идей значительно отличалась от типических для философии канонов.

На русском языке спустя 41 год после первого издания в Париже в 1990 г. вышел первым полным воспроизведением текста его долговременный труд – опыт философской автобиографии «Самопознание» * [1].

Самопознание – стремление человека ответить на вопрос «Кто Я?». Это стремление требует чрезвычайной способности к рефлексии и истинно глубокой ответственности.

Самопознание – трудная душевная и духовная работа, это «познание собственного духа и духовных исканий».

Николай Александрович Бердяев доверительно обращался к своему читателю: «Книга эта мной давно задумана...». Философ стремился быть понятым с самого начала. Он предупреждал о том, что существует несколько типов книг, написанных авторами о себе и своей жизни. Это могут быть дневники (*Анри Амиль*. Дневник Амиля; *Андре Жид*. Дневник; *Блаженный Августин*. Исповедь; *А.И. Герцен*. Былое и думы; *И.В. Гете*. Поэзия и правда моей жизни и др.). Однако Н.А. Бердяев уведомлял: «Я никогда не писал дневника. Я не собираюсь публично каяться» [Там же, с. 6]. Он указывал: «я философ» и заявлял: «В книге, написанной мной о себе, не будет выдумки, но будет философское познание и осмысливание меня самого и моей жизни. Это философское познание и осмысливание не есть память о бывшем, это есть творческий акт, совершаемый в мгновении настоящего. Ценность этого акта определяется тем, насколько он возвышается над временем, приобщается ко времени экзистенциальному, то есть к вечности. Победа над смертоносным временем всегда была основным мотивом моей жизни. Книга эта откровенно и сознательно эгоцентрическая. Но эгоцентризм, в котором всегда есть что-то отталкивающее, для меня искупается тем, что самого себя и свою жизненную судьбу делаю предметом философского познания» [Там же, с. 7].

Философ обращал внимание на то, что «Самопознание» – книга по замыслу своему философская: «Дело идет о самопознании, о потребности

---

* Цитирование из монографии «Самопознание» будет осуществляться по первому изданию на русском языке 1990 года.

понять себя, осмыслить свой тип и свою судьбу». Он поставил перед собой задачу точнее и тоньше познать человеческое существование и познать мир через человеческое существование. Познавая себя самого, человек приобщается к тайнам, неведомым в отношении к другим. При этом Н.А. Бердяев указывал: «Я пережил мир, весь мировой и исторический процесс, все события моего времени как часть моего микрокосма, как мой духовный путь. На мистической глубине все происшедшее с миром произошло со мной» [1, с. 7].

Идентификации юного Николая Бердяева с героями великих русских писателей Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского воспитывали в нем типично русского человека. В своей удивительной по глубине рефлексии работе, представляющей собой опыт философской автобиографии, он писал: «Я всегда чувствовал себя очень связанным с героями романов Достоевского и Л. Толстого, с Иваном Карамазовым, Версиловым, Ставрогиным, князем Андреем и дальше с тем типом, который Достоевский назвал «скитальцем земли русской»... В этом, быть может, была моя самая глубокая связь с Россией, с русской судьбой» [Там же, с. 37]. При этом он сознавал, что, как и многие из этих людей, он вышел из дворянской среды и порвал с ней. Он настаивал: «Разрыв с окружающей средой, выход из мира аристократического в мир революционный – основной факт моей биографии, не только внешней, но и внутренней. Это входит в мою борьбу за право свободной и творческой мысли для себя. Я боролся за это с яростью и разрывал со всем, что мне мешало осуществлять мою задачу. Сознание своего призвания было во мне очень сильным» [Там же].

Хочу специально обратить внимание человеков, притязающих на участие в достижениях в сфере познания, на важное обстоятельство – *сознание своего призвания* к философии или к наукам. Без этого чувствования призвания и сознания призвания лучше заняться чем-либо иным. Именно в призвании человек обретает свободу и способность к творческому движению к своему духовному и интеллектуальному акме.

Я полагаю, что именно отношение к событиям и судьбе мира как к событиям, происходящим с конкретным человеком, дает основание считать именно такого человека истинной личностью – ведь именно такой человек несет в себе бытие общественных отношений, присвоенное им из сфер Великого идеополя общественного самосознания [2, с. 949, 952], если при этом он переживает свою отдельность от мира, свою уникальность и свою ответственность за судьбу мира. Именно подобные суждения высказывал Н.А. Бердяев, который обсуждал «основные противоречия» своей натуры: «С одной стороны, я переживаю все события моей эпохи, всю судьбу мира как события, происходящие со мной, как собственную судьбу, с другой стороны, я мучительно переживаю чуждость мира, далекость всего, мою неслиянность ни с чем» [Там же, с. 7]. Именно такие личности, как Н.А. Бердяев, реально вносят новые идеи в сферы Великого идеополя общественного самосознания.

Философ при этом пришел к пониманию того, что «история не щадит человеческой личности и даже не замечает ее». В «Самопознании» раз-

мышления автора занимают наибольшее место, главное в книге «познание собственного духа и духовных исканий» [1, с. 10].

Рассуждая о сущности своего «я» и мировой среды, Н. А. Бердяев полагал: «Истоки человека лишь частично могут быть поняты и рационализированы. Тайна личности, её единственности, никому не понятна до конца. Личность человеческая более таинственна, чем мир. Она и есть целый мир. Человек – микрокосм и заключает в себе всё» [Там же, с. 11]. В суждении о личности человека, о ее таинственности, большей, чем мир, мы находим страстный темперамент мыслителя, его антиномичность и парадоксальность. Придавая личности (её экзистенциальной сущности), её всеобъемлющую способность, философ одновременно переживал все события своей эпохи как собственную судьбу: «острое чувство судеб истории» входило в противоречие с его нелюбовью к истории. Он мучительно ощущал свою «неслиянность ни с чем».

В то же время он четко осознавал свою нелюбовь к «жизни», что он объяснял всеобъемлющей душевной и физической брезгливостью. Он испытывал глубокую гадливость к физиологическим отправлениям организма, ко всему, связанному с плотью мира. Его притягивал лишь дух: «Главное – самопознание», – неустанно повторял он.

Он рано сознал свое философское призвание, он рано начал много читать и рано начал задумываться над смыслом жизни [Там же, с. 20]. Он отличался глубоким интересом к философии и философствованию, он читал книги, которых в его возрасте никто не читал. Он писал: «Когда я держал выпускной экзамен по логике, то я уже прочел “Критику чистого разума” Канта и “Логику” Д. С. Милля. Мои способности обнаруживались лишь тогда, когда умственный процесс шел от меня, когда я был в активном и творческом состоянии, и я не мог обнаружить способностей, когда нужно было пассивное усвоение и запоминание, когда процесс шел извне ко мне...» [Там же, с. 21]. Он, в сущности, никогда не мог ничего пассивно усвоить, просто заучить и запомнить. Он не мог пассивно отвечать. Он настаивал: «Мне сейчас же хочется развивать собственные мысли» [Там же]. Он с необычайной легкостью ориентировался в мире мысли книги, которую он постигал, – он сразу же понимал, что к чему относится, в чем смысл книги. Он читал активно, а не пассивно.

Здесь хочу обратить внимание на тот объективный факт нашего образования, что его несостоятельность состоит в том, что в большинстве типов среднего и высшего образования основной упор делается на развитие памяти. Безусловно, роль этой высшей психической функции не требует доказательства. Однако в философии и науках она должна занимать служебную, подчиненную роль. То обстоятельство, что мальчик чувствовал в себе способность к умственному процессу, включенному в мышление, говорит о его уникальном даровании к мышлению.

В своей последней книге, которая вышла при его жизни, «Что зовется мышлением?» Мартин Хайдеггер (автор огромного количества томов сочинений) писал о том, что люди не привыкли грузить себя такими вопросами. Известен тезис М. Хайдеггера: «Наука не мыслит». Философ начал свою книгу «Что зовется мышлением?» известным суждением: «В то, что

называется мышлением (Denken), мы попадаем, когда беремся думать (denken) сами. Чтобы попытка удалась, мы должны быть готовы учиться мысли (Denken).

Однако же человеком называется тот, кто умеет мыслить, и это по праву. Ибо он разумное живое существо. Разум, ratio, развертывается в мышлении. Именно как разумное существо человек должен уметь мыслить, если только он этого хочет. Между тем человек, допустим, хочет мыслить, и все же он это не может. <...> Человек может мыслить, поскольку он имеет для этого возможность» [3, с. 34].

М. Хайдеггер указывал на то, что память – это сообразность мышления: «В чем? В том, что нас хранит, поскольку оно нами помыслено; помыслено именно потому, что оно пребывает как данное для мысли» [Там же, с. 35]. При этом философ утверждал: «Чтобы смочь мыслить, мы должны этому учиться. <...> Мышлению мы учимся, внимая тому, что дано для мысли» [Там же].

М. Хайдеггер упорно настаивал на том, что «мы ещё не мыслим... <…> «мы, люди, к тому, что должно быть помыслено, обращены еще в недостаточной мере» [Там же, с. 37].

Это исключительное упущение человечества, это легкомысленное небрежение человека к самому себе, к потенциалу своих высших психических функций – неспособность к мышлению. Что касается меня, автора этой статьи, посвященной удивительно тонко рефлексирующему на свои психические процессы Николая Бердяева, то хочу здесь указать на исключительно тонкое понимание философом значения для человека функции мышления.

Начиная от Сократа, через века продолженная Н. Бердяевым и М. Хайдеггером, пульсирует в Великом идеополе общественного самосознания идея значения для человечества свободы творческого мышления. Однако множество людей несет в себе пустоту пустыни.

Более 70 лет тому назад Ф. Ницше восклицал устами безумного человека: «Я ищу Бога! Я ищу Бога! <…> Где Бог? Я хочу сказать вам это! *Мы его убили* – вы и я! Мы все его убийцы!» [4, с. 592]. И позже: «Бог мертв: из-за сострадания своего к людям умер Бог» [5, с. 170]. Ф. Ницше предупреждал: «Пустыня растет». Дочери пустыни чинно сидели – глубокие, но без мыслей. Странник запел: «Пустыня ширится сама собою: горе тому, кто сам в себе свою пустыню носит!» [Там же, с. 221, 224]. Н.А. Бердяев нередко обращался к образам и идеям Ф. Ницше. Он принимал многие идеи и аксиоматичные изречения немецкого философа, крупнейшего представителя философии жизни (Lebensphilo-sophie). Однако Н.А. Бердяев в своем поиске истины о человеке шел своим путем, он стремился оставаться верным себе*.

М. Хайдеггер посвятил творчеству Ф. Ницше работу, в которой он продолжил размышлять о проблемах личности, о её бытии, об истоках заброшенности человека (его одиночестве, страхах) и о его свободе. М. Хайдеггер продолжил вслед за Ф. Ницше обсуждать идею о том, что «бог мертв».

* Ф. Ницше в свое время страстно призывал: «Стань таким, как ты есть!» [5, с. 171].

В этой связи философ указывал, что у Ф. Ницше «мышление стоит под знаком нигилизма» [6, с. 13]. Действительно, Ф. Ницше, занимая позицию нигилизма, стремился к «переоценке всех ценностей».

Как и Ф.М. Достоевский, Н.А. Бердяев отрицательно относился к влиянию среды.

Рассуждая о сущности среды и месте человека в ней, Ф.М. Достоевский полагал: «Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, *учение о среде доводит человека до совершенной безличности*, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить» (курсив мой. – *В.М.*) [7, с. 42–43]. Далее Ф.М. Достоевский указывал на пагубность оценки среды как на негативное, провоцирующее условие страданий. Писатель проникал в суть явлений, понимая, что *идеи среды «носятся в воздухе, в идее есть нечто проницающее...*» [Там же].

Идеи влияния среды и свободы от среды Ф.М. Достоевский воплотил во многих своих произведениях [8, с. 6; 9, с. 27]. В этих великих романах речь шла о тех, кто «заеден средой».

Н.А. Бердяев также уделял внимание проблеме отношений человека к окружающей его среде. Он не раз обсуждал проблему человека и среды. Так, он писал: «По характеру своему я принадлежу к людям, которые отрицательно реагируют на окружающую среду и склонны протестовать. Это также форма зависимости. Я всегда разрывал со всякой средой, всегда уходил. У меня очень слабая способность к приспособлению, для меня невозможен никакой конформизм» [1, с. 23]. Идея о противостоящей человеку среде неизменно становилась предметом размышлений философа. Он писал: «Есть два основоположных типа людей – тип, находящийся в гармоническом соотношении с мировой средой, и тип, находящийся в дисгармоническом соотношении. Я принадлежу ко второму типу. Я всегда чувствовал мучительную дисгармонию между “я” и “не-я”, свою коренную неприспособленность. <...> ...я был трудный тип и переживал жизнь скорее мучительно. Острое переживание одиночества и тоски не делает человека счастливым. Одиночество связано с неприятием мировой данности» [Там же, с. 41]. Философ полагал, что это неприятие, это противление было, наверно, его первым метафизическим криком при появлении на свет. При этом осознавал, что, когда пробудилось его сознание, он сознал глубокое отталкивание от обыденности. Он не принимал обыденного, о чем писал весьма откровенно: «Меня отталкивал всякий человеческий быт, и я стремился к прорыву за обыденный мир» [Там же].

Абсолютно открыто и смело Н.А. Бердяев признавался: «Я всегда был ничьим человеком, был лишь своим собственным человеком, человеком своей идеи, своего призвания, своего искания истины. И это всегда предполагает разрыв с объективным миром» [Там же, с. 42]. При этом философ признавал за собой и негативные проявления: «Это означало слабую способность к отдаче себя. Я никогда не чувствовал себя чему-либо и кому-либо

в мире вполне принадлежащим. Я во всем участвовал как бы издалека, как посторонний, ни с чем не сливался. <…> Я совсем не поддаюсь коллективной заразе, хотя бы хорошей. Мне совсем неведомо слияние с коллективом. В экстаз меня приводит не бытие, а свобода. Это определяет весь тип моего философского миросозерцания» [1, с. 42]. Рефлексируя на свои глубинные побуждения, он писал: «Я постоянно трансцендирую себя. Меня притягивает всегда и во всем трансцендентное, другое, выходящее за грани и пределы, заключающее в себе тайну» [Там же]. Сознание юного Николая формировалось таким образом, что, благодаря чтению где-то в четырнадцать лет «Критики чистого разума» И. Канта и «Философии духа» Г.В.Ф. Гегеля, он построил в себе свой субъективный мир, сформулировал для себя вопросы, на которые он пытался отвечать себе всю свою сознательную жизнь.

Ему казалось, что он никогда не вступит в «объективный» мир. Он затруднялся выразить всю напряженность своего чувства «я» и своего мира в этом «я». Мир «не-я» всегда казался ему менее интересным. Он пытался сказать о том, что мир «не-я» *казался ему менее интересным, чем мир «я».* Однако самого главного в себе он никогда не мог выразить [Там же, с. 43].

Н.А. Бердяев в своей удивительной философской автобиографии сообщил себе и миру: «Меня всегда беспокоило сознание, что недостаточна интериоризация, недостаточно развитие мира в себе, что необходима и экстериоризация, действие вовне. По терминологии Юнга я должен признать себя не только интервертированным, но и экстравертированным» [Там же, с. 44]. И далее философ открыто говорил о себе: «У меня была непреодолимая потребность осуществить свое призвание в мире, писать, отпечатлеть свою мысль в мире» [Там же].

Н.А. Бердяев нередко обращался к Ф. Ницше. Он брал эпиграфы из произведений этого самобытного философа, способного формулировать аксиоматичные изречения.

В 1939 г. Н.А. Бердяев, обращаясь к проблеме личности, рассуждая о рабстве и свободе человека, писал: «Человек есть загадка не как животное и не как существо социальное, не как часть природы и общества, а как личность, именно как личность. Весь мир ничто по сравнению с человеческой личностью, с единственным лицом человека, с единственной его судьбой. Человек переживает агонию, и он хочет знать, кто он, откуда он пришел и куда он идет. Ещё в Греции человек хотел познать самого себя и в этом видел разгадку бытия, источник философского познания. Человек может познавать себя сверху и снизу, из своего света, из божественного в себе начала и познавать из своей тьмы, из стихийно-подсознательного и демонического в себе начала. И он может это делать потому, что он двойственное и противоречивое существо, существо в высшей степени поляризованное, богоподобное и звероподобное, высокое и низкое, свободное и рабье, способное к подъему и падению, к великой любви и жертве и к великой жестокости и беспредельному эгоизму» [10, с. 17–18].

Здесь я готова выразить своё согласие с идеями замечательного мыслителя относительно феноменологической сущности личности человека, который может познавать себя сверху и снизу, познавать себя из своего света и из своей тьмы.

Идя совсем иным путем, чем сей тонкий философ, анализируя результаты долговременных и добросовестных наблюдений человеков в условиях обыденной жизни, мы с моим единомышленником и соавтором А. А. Хвостовым пришли к единодушному ви́дению двоичной сущности человека. Мы пришли к убеждению: «*Культуре нормативной, заповедной жизни всегда сопутствует культура противостояния*... Став существом историческим, социально-историческим, человек постепенно видоизменил себя до нового качества. Это качество – *психическая амбивалентность*, которая вводит в сознание и эмоциональную сферу противоречивые прилоги, помыслы, мысли, мотивы, а также эмоции и страсти» [11, с. 69].

При этом мы в категорической форме, сожалея, утверждали: «*Понимание амбивалентности всей человеческой сущности еще не стало ключевой проблемой исследователей, не далось нам во всей её феноменальной полноте*» [Там же, с. 70]. Мы выражали уверенность в том, что каждое проявление человека, каждая его страсть имеет амбивалентные истоки. Мы писали о том, что в нашей человеческой культуре, в Великом идеополе общественного самосознания взращены *идеи воздержания и гедонизма, страстей блуда и возвышенной любви* [Там же, с. 77].

Мы полагаем: «Каждый человек, выстраивая для себя ценностные ориентации на свою жизнь, исходит из многих определяющих его выбор сущностей: природной, социальной, психологической и духовной. Каждый человек при этом проявляет свою амбивалентную, феноменологически присущую ему сущность» [Там же].

О возможности крайних состояний человека судили еще Платон и Аристотель. Именно эти философы призывали человеков к *середине*.

Позднее С. Кьеркегор писал об амбивалентности человека, о выборе им своего собственного пути. Он полагал: «Моё “или-или” обозначает главным образом не выбор между злом и добром, но акт выбора, благодаря которому выбирается или отвергается добро и зло вместе. Суть дела ведь не в самом выборе между добром и злом, а в доброй воле, в желании выбрать, чем само собой закладывается основание и добру и злу» [12, с. 287]. Примеров, подтверждающих амбивалентную сущность человека в сферах Великого идеополя общественного самосознания, мы можем найти множество как в суждениях философов, так и в художественных образах великих творений гениальных писателей. Однако весьма значимо, что каждый мыслитель и каждый большой художник одаряют нас своим особым ви́дением этой непростой сущности человека.

В контексте нашего анализа столь удивительного пути в поиске истины о личности Н. А. Бердяев предлагал вниманию заинтересованных исследователей двоичной, амбивалентной сущностью человека свое особое ви́дение.

Я неизменно обращаюсь к философским работам Н. А. Бердяева. Когда-то было время, когда книги философа можно было брать лишь в крупных государственных библиотеках по специальным справкам-заявкам из своего научного или учебного учреждения.

Советские философские энциклопедии в ту пору сообщали: Бердяев Н.А. – «русский буржуазный философ-мистик, экзистенциалист, идеолог веховства*, основатель так называемого нового христианства».

О «вехах» В.И. Ленин отзывался как об «энциклопедии либерального ренегатства», как об открытом провозглашении «ливрейных чувств» и «ливрейной» политики по отношению к октябрьской буржуазии и царизму**.

Между тем даже в философских энциклопедиях глухого периода построения социализма авторы статьи о Н.А. Бердяеве были вынуждены писать о свойственной философу духовной, интеллектуальной и социальной активности. Ю. Корякин и Е. Плимак писали, что неприятие большевизма не мешало Н.А. Бердяеву проявлять свою естественную активность – он читал публичные лекции, преподавал в университете, организовал Вольную академию духовной культуры, вел семинар о творчестве Ф.М. Достоевского. В 1922 г. вместе с другими мыслителями, не согласными с утопиями и политическими провозглашениями лидеров, философ был выслан из СССР за антиреволюционную деятельность.

В 1924 г. в Берлине вышла работа Н.А. Бердяева «Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы». Этот труд принес ему европейскую известность. С 1925 по 1940 год Н.А. Бердяев был редактором журнала «Путь». Журнал издавался в Париже.

Н.А. Бердяев был глубоко заинтересован проблемой духовного освобождения личности, освобождением человека из плена необходимости, за что его критиковали в СССР не только в период рождения пролетарского государства, но и много десятков лет спустя***.

Проблемы личности, ее духовной свободы были постоянным предметом духовного внимания философа. В результате чего стали выходить его работы «Философия свободы» (1911), «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (1916), «О рабстве и свободе человека» (1931), «О назначении человека» (1931), «Судьба человека в современном мире» (1934), «Дух и реальность» (1937), много других работ, которые следовали одна за другой. Затем посмертно вышли еще чрезвычайно значимые труды для философии, психологии и для других областей знаний о человеке.

Философ пытался добросовестно отрефлексировать происходящие в России катаклизмы, наблюдая все происходящее в стране изнутри. В те годы Н.А. Бердяев называл капиталистический строй «бесчеловечным», «старое» христианство – «орудием эксплуатации», признавал «правду коммунизма», обольщаясь вместе с другими современными ему мыслителями

---

* Ве́ховство – «идеология русской буржуазии, политическое движение которой формировалось в период развитого в стране демократического и в особенности пролетарского движения. В силу этого русская буржуазия быстро выявила свою "имманентную контрреволюционность"» (Ленин В.И. Соч., 4-е изд. – Т. 15. – С. 13). Слово «веховство» произошло от названия сборника «Вехи», изданного в Москве в 1909 Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, М.О. Гершензоном, С.Л. Франком, П. Струве и др.

** *Ленин В.И.* Соч., 4-е изд. – Т. 16. – С. 107.

*** *Корякин Ю., Плимак Е.* Бердяев // Философская энциклопедия. – Т. 1 А – Дидро. – М., 1960. – С. 148.

утопическими (как оказалось!) идеями об идеальном сообществе равных членов. Позднее Н.А. Бердяев объявил единственной реальностью существование феномена личности. Он возражал тем, кто находил, что «человек всегда скрывает себя и что нужно думать о нем обратное тому, что он сам о себе говорит... О человеке были сделаны большие разоблачения, было открыто подсознательное в нем, пытались увидеть его снизу, а не сверху. Христианское учение о греховности человеческой природы, которое очень легко делалось совершенно отвлеченным, конкретизировалось и приобретало наукообразный характер. Теории Маркса, Ницше, Фрейда, Гейдеггера*, современный роман, ужасы войны и революции, вспышки древней жестокости и господство новой лживости – всё сокрушает возвышенные учения о человеке. И все же я думаю, что наиболее правы Паскаль и Достоевский, которые не имели никаких иллюзий, но открывали человека как существо двойственное, низкое и высокое» [1, с. 299–300].

Н.А. Бердяев, исследуя парадоксальную сущность человека, открывая вслед за значимыми для него предшественниками, подтверждал двойственную сущность человека. Философ эмоционально констатировал, что он не знал ничего мучительнее изменений людей, которые возникли вследствие приспособления к господству и силе. При этом Н.А. Бердяев писал: «И всё же во мне сохранилась вера в человека, в Божий замысел о человеке» [Там же, с. 100].

Философ, понимая двойственную феноменологию человека, всегда сохранял в себе веру в человека как существо, несущее в себе замысел Божий.

В своей работе «О назначении человека», изданной в 1931 г. в Париже, Н.А. Бердяев обсуждал проблему развития экзистенциализма на Западе. Он писал о том, что философия – особая сфера духовной культуры, отличная от науки и религии, но находящаяся в сложном взаимодействии с наукой и религией: «Науки имеют дело с частичной отвлеченной действительностью, им не открывается мир как целое, ими не постигается смысл мира. Претензии математической физики быть онтологией, открывающей не явления чувственного, эмпирического мира, а как бы вещи в себе, смешны. Именно математическая физика, самая совершенная из наук, дальше всего отстоит от тайн бытия, ибо тайны эти раскрываются только в человеке и через человека, в духовном опыте и духовной жизни» [13, с. 271–272]. В примечании к этому своему суждению философ писал: «Так, Гейдеггер в “Sein und Zeit”, самой замечательной философской книге последнего времени, всю свою онтологию строит на познании человеческого существования. Бытие как забота (Sorge) открывается лишь в человеке. На другом пути стоит французская философия наук, у Мейерсона, Бруншвига и др.» [Там же, с. 272]. И далее Н.А. Бердяев продолжал: «Вопреки Гуссерлю, который делает по-своему грандиозные усилия придать философии характер чистой науки и вытравить из нее элементы мудрости, философия всегда была и всегда будет мудростью. Конец мудрости есть конец философии. Фило-

* В современном прочтении – Хайдеггера.

софия есть любовь к мудрости и раскрытие мудрости в человеке, творческий прорыв к смыслу бытия» [13, с. 272].

Меня тянет читать и читать Н. Бердяева. Его рефлексии на самого себя, его удивительный опыт философской автобиографии вдохновляют меня на вдумчивое прочтение глубоких откровений и бесстрашного самопознания. Философ, раскрывающий себе и другим тайну внутренней жизни личности, непредвзято относящийся к открывающимся ему тонким и загадочным проявлениям прилогов и помыслов. Отдельно удивление и восхищение вызывает фантастический охват интеллектуальных откровений древних философов Греции и современников – философов Германии и Франции.

Во многих своих работах философ неизменно обращался к проблеме экзистенциальной диалектики добра и зла. Он настаивал на том, что философия и этика не должны преуменьшать силу зла. Он был убежден в том, что этика творчества состоит в приросте, прибавлении, в создании нового, не бывшего в мире. И тут же напоминает своему читателю-почитателю о своих книгах «Смысл творчества» и «Философия свободного духа», в которых он также обсуждал, что «творчество есть всегда прирост, прибавление, создание нового, не бывшего в мире» [Там же, с. 421]. Философ утверждал, что тайна творчества и есть тайна свободы: «Творчество только и возможно из бездонной свободы, ибо лишь из бездонной свободы возможно создание нового, небывшего» [Там же, с. 422].

Н. А. Бердяев был уверен в том, что творчество есть прорыв из ничего, из небытия, из свободы в бытие и мир...

– Как прекрасно, что сегодня мы отмечаем юбилей российского философа, который своими идеями вошел в плоть и кровь философов Европы и России!

---

1. *Бердяев Н. А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). – М., 1990.

2. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 3-е изд., исправл. и доп. – М., 2013.

3. *Хайдеггер М.* Что зовется мышлением? – М., 2007.

4. *Ницше Ф.* Веселая наука // Соч.: в 2-х т. – Т. 1. – М., 1990. – С. 491–719.

5. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Соч.: в 2-х т. – Т. 2. – М., 1990. – С. 5–237.

6. *Хайдеггер М.* Ницше и пустота. – М.: Алгоритм, 2006.

7. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1873 // Полн. собр.соч.: в 30-и т. – Т. 21. – Л., 1980.

8. *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание // Полн. собр. соч.: в 30-и т. – Т. 6. – Л., 1973.

9. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы: Кн. XI–XII. Эпилог // Полн. собр. соч.: в 30-и т. – Т. 15. – Л., 1976.

10. *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека // О назначении человека. О рабстве и свободе человека. – М., 2006. – С. 5–265.

11. *Мухина В. С., Хвостов А. А.* Отчуждение от себя: *О саморазрушающих страстях человеческих.* – М., 2011.

12. *Кьеркегор С.* Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал // П. Роде Петер. Серен Кьеркегор, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. – Челябинск, 1998.

13. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // О назначении человека. О рабстве и свободе человека. – М., 2006. – С. 266–637.

Работы Н. А. Бердяева в хронологии их выхода в свет

1. Философия свободы (В России: 1-е издание 1911; последние издания: Философия свободы. – М.: Правда, 1989; Философия свободы. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002. Серия «Вершины человеческой мысли». – С. 27–262) (Всего 11 изданий).

2. Смысл творчества (В России: 1-е издание. – М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1916; последние издания: Смысл творчества. – М.: Правда, 1989; Смысл творчества. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002. Серия «Вершины человеческой мысли». – С. 15–334. Последующие издания: 2004; 2006; 2007; 2010; 2011).

3. Сборник статей «Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности» (В России: 1-е издание. – М., 1918; Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности // Падение священного русского царства: Публицистика 1814–1922. – М.: Астрель, 2007). – (Социальная мысль России).

4. Философия неравенства (Берлин, 1923. В России: Философия свободы. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002. Серия «Вершины человеческой мысли». – С. 477–728. Последующие издания: 2004; 2006; 2007; 2010; 2011).

5. Смысл истории (Берлин, 1923; Париж, 1969. В России: Смысл истории. – М.: Мысль, 1990; М.: Реабилитация, 2002).

6. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы (Берлин, 1924. В России: Смысл творчества. – Харьков: ФОЛИО; М.: АСТ, 2002. Серия «Вершины человеческой мысли». – С. 545–628).

7. Философия свободного духа: в 2-х т. (Париж, 1927–1928. В 1939 г. книга была удостоена премии Французской академии. В России: Диалектика божественного и человеческого. – М.: АСТ; Харьков: ФОЛИО, 2003. – (Philosophy). – С. 15–338).

8. Христианство и классовая борьба (Париж, 1931; Там же, 1934).

9. О рабстве и свободе человека (Париж, 1931, 1939. В России: О назначении человека. О рабстве и свободе человека. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. – (Philosophy). – С. 5–265).

10. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики (Париж, 1931. В России: О назначении человека // О назначении человека. О рабстве и свободе человека. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. – (Philosophy). – С. 266–637).

11. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи (Париж, 1934. В России: Дух и реальность. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. – (Philosophy). – С. 159–226).

12. Дух и реальность (Париж, 1937. В России: Дух и реальность // Дух и реальность. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. – (Philosophy). – С. 229–378).

13. Истоки и смысл русского коммунизма. – Берлин, 1938.

14. Русская идея (Париж, 1946. В России: Русская идея // Русская идея. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1999. Серия «Вершины человеческой мысли». – С. 11–248).

15. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация (Париж, 1947. В России: Дух и Реальность. // Дух и реальность. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. – (Philosophy). – С. 381–564).

16. Самопознание (опыт философской автобиографии) (Опубликовано посмертно: Париж, 1949. В России: впервые: – М.: Международные отношения, 1990. После чего работа издавалась многократно).

17. Царство Духа и царство Кесаря (опубликовано посмертно в 1951 г., в Париже. В России: Царство Духа и царство Кесаря // Дух и реальность – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003). – (Philosophy). – С. 567–671).

18. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого (Париж, 1952. В России: Диалектика божественного и человеческого. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. – (Philosophy). – С. 341– 498).

19. О человеке, его свободе и духовности: Избр. труды / Ред.-сост. Л. И. Новикова и И. Н. Сиземская. – М.: МПСИ: Флинта, 1999.

20. Падение священного русского царства: Статьи. 1914–1922 // Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – (Социальная мысль России). – С. 491–846.

21. Кризис искусства // Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – (Социальная мысль России). – С. 209–239.

22. Собрание сочинений. – Paris: YMCA-press, cop. 1983–1989.

23. Собрание сочинений [Электронный ресурс]: более 130 произведений, письма, рецензии: творчество Бердяева в критике современников. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Архив Н. А. Бердяева был передан его свояченицей Е. Ю. Рапп в советское посольство в Париже в 1960 г.

[Информация о датах выхода трудов Н. А. Бердяева заимствована из следующих источников и проверена: 1 – Бердяев // Философская энциклопедия. – Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1960. – С. 148; 2 – Бердяев // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 2010. – С. 241–242; 3 – *Волкогонова О.Д.* Бердяев. – М.: Молодая гвардия, 2010. – (Жизнь замечательных людей: Сер. биогр.; вып. 1257). – С. 387–389;

4 – Личная библиотека В. С. Мухиной; 5 – на сайтах Российской государственной библиотеки и Научной педагогической библиотеки имени К. Д. Ушинского].

Избранная литература о Н. А. Бердяеве*

1. *Антонов Н. Р.* Николай Александрович Бердяев и его религиозно-общественное миросозерцание. – СПб., 1912.

2. *Бердяев Н. А.* pro et contra. Антология. – Кн. 1. – СПб., 1994.

3. *Вадимов А.* Жизнь Бердяева: Россия. Oakland (Calif.), 1993.

4. *Волкогонова О. Д.* Бердяев. – М.: Молодая гвардия, 2010. – (Жизнь замечательных людей: Сер. биогр.; вып. 1257).

5. *Ермичев А. А.* Три свободы Николая Бердяева. – М., 1990.

6. *Ермичев А. А.* Бердяев Николай Александрович // Русская философия: Словарь. – М., 1995. – С. 42–45.

7. *Ильин И. А.* Бердяев и судьба русской философии // Звезда. – 1995. – № 11. – С. 124–144.

8. *Корякин Ю.*, *Плимак Е.* Бердяев // Философская энциклопедия: в 5-и т. – Т. I. – М.: Советская энциклопедия, 1960. – С. 148.

9. *Кувакин В. А.* Критика экзистенциализма Бердяева. – М., 1980.

10. *Мотрошилова Н. Б.* Николай Бердяев и философия Запада (Часть II) // Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов). – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – С. 230–320.

11. *Полторацкий Н. А.* Бердяев и Россия. – Нью-Йорк, 1967.

12. *Сербиненко В. В.* Бердяев Николай Александрович // Новая философская энциклопедия. – Т. I. – М.: Мысль, 2000. – С. 241–242.

13. *Segundo J. L.* Berdjaeff. Une reflexion chrétienne sur la personne. – P., 1963.

14. *Stern H.* Gesellschaftsphilosophie N. Berdjajews. – Kőln, 1966.

15. *Dietrich Wolfgang.* Provokation der Person. – Bd. 1–5. – Berlin, 1974–1979.

---

* В основном заимствована из книги Н. В. Мотрошиловой: Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов). – М.: Республика; Культурная революция, 2006.